

ПУШКИН
сегодня

An artistic illustration of Alexander Pushkin in a modern setting. He is depicted with his characteristic curly hair and beard, wearing a dark trench coat and a light-colored scarf. He holds a stack of four books in his left hand and a blue smartphone in his right hand. The background features a St. Petersburg scene with the St. Isaac's Cathedral, a bridge, and a statue on horseback under a sunset sky.

Коллектив авторов

Пушкин сегодня

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Пушкин сегодня / Коллектив авторов — Издательство «Четыре»,
2026

ISBN 978-5-908132-83-1

О чём писал бы Пушкин, загляни он в наше время? Вряд ли о том, что мы привыкли читать по школьной программе. Настоящий писатель всегда живёт в своём времени. И наш сборник — это не дань памятнику с бронзовым взглядом. Здесь современные авторы не примеряют фрак и бакенбарды, а пытаются услышать и сохранить для себя живой, неторопливый голос поэта сквозь шум новостной ленты. Их проза и стихи — попытка понять, как строка «Я вас любил» отзовётся в эпоху мессенджеров. Приглашаем не к поклонению, а к разговору. Солнце русской поэзии не нуждается в подсветке — оно продолжает освещать тех, кто пишет искренне.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

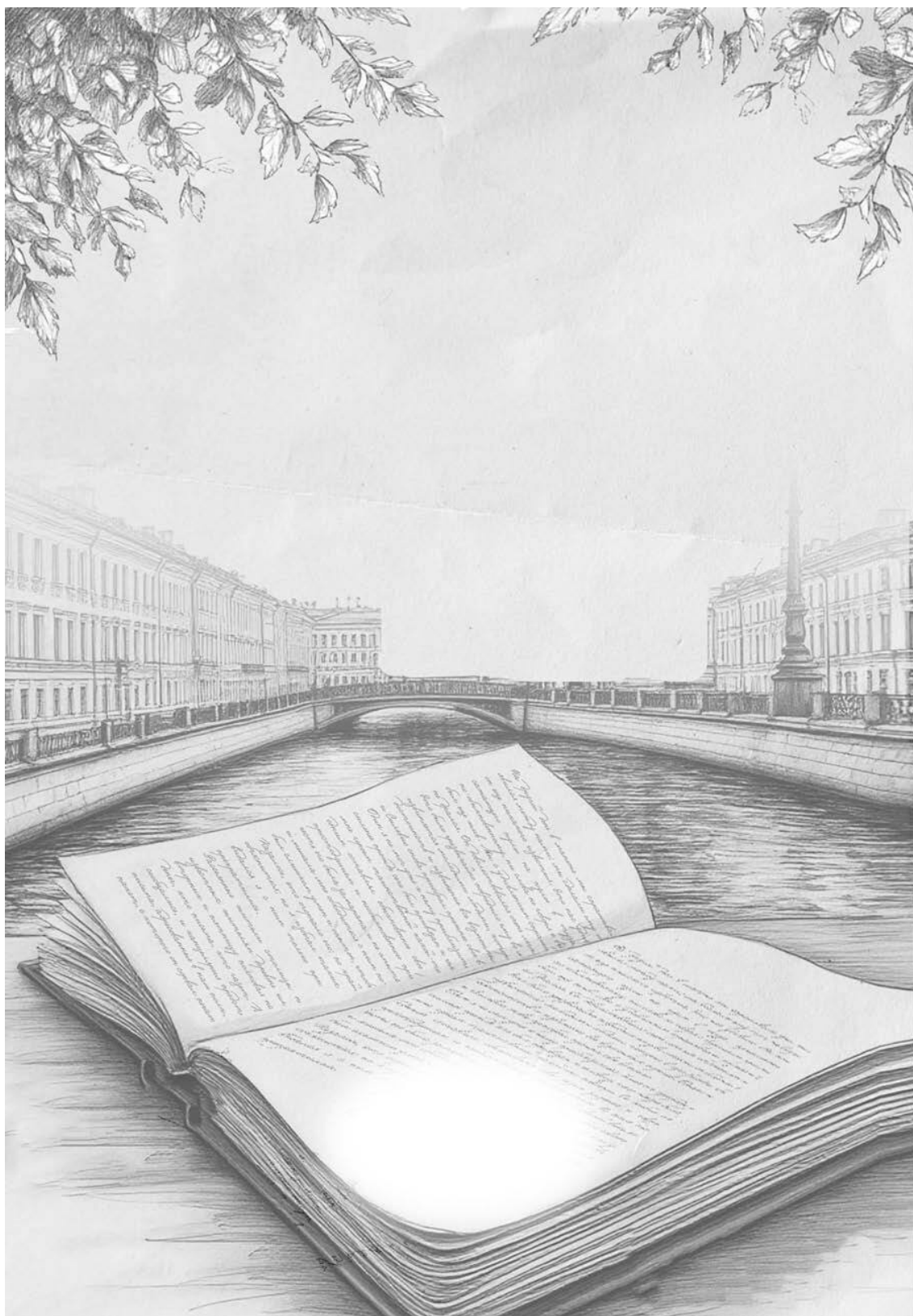
ISBN 978-5-908132-83-1

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Оксана Анищук	7
Ты со мной	8
Читая Пушкина творенья	9
Ты сегодня меня не встречаешь	10
Роза	11
Незаменимый	12
Играй, моя скрипка	13
Гори, листочек мой, с печалью	14
Сквозь сон	15
Наталья Аншина	16
Повести Белкиной	17
Татьяна Бадакова	20
«Легким зефиром», или Как мы можем представить себе	21
Александра Сергеевича	
Лариса Башкирцева	24
Пушкинский Север	25
Северная «Капитанская дочка»	27
Владимир Визгалов	30
Зимний восторг	31
Рождественское навечерие	32
Воспоминания о малой Родине	33
Ах! Пушкин! Пушкин	34
Год Огненной Лошади	35
Неизвестной поэтессе А. Т	36
Изнанка интернета	37
Дорога к себе	38
Мне по душе	39
Любимой жене	40
Наказ	41
Розана Даутова	42
У самого синего моря	43
Нежданная встреча	44
Метель	45
«Блажен, кто смолоду был молод...»	47
Александр Дементьев	48
За пеленою облаков	49
Оголённые ветви берёзы	50
Голубая планета	51
Борис Пастернак	52
О русском языке и лире	53
Крым	54
Троя	55
Лидия Заева	58
Аллея вдохновения	59
Музы А. С. Пушкина	60
Альберт Кайков	65

Дочь фронтовика. Глава из романа «Семья фронтовика»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Коллектив авторов Пушкин сегодня

© Издательство «Четыре», 2026

Оксана Анищук

Родилась 17 мая 1985 года в г. Нефтеюганске, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Первая публикация – коллективный сборник «Искусство в жизнь» (том 9, 2021), вторая – сборник «Богатство современной поэзии» (том 5, 2022). Печаталась в журнале «Три желания» (№№ 129, 133, 135, 153, Рязань), поэтическом сборнике «Хранители» (2024, Тюмень).

С марта 2022 года по сегодняшний день публикуется в литературно-краеведческом альманахе «Поэзия земли Тюменской». В 2025 году опубликованы стихи в журнале «Литературный ковчег» (№№ 127, 133, Омск), сборнике поэзии и прозы для детей «Звезда упала на жука» (Санкт-Петербург), сборнике «Где честь, там и победа» (Санкт-Петербург).

Член ассоциации «Поэты Тюменской области».

Ты со мной

Ты со мной, и звёзды гаснут
Поцелуем на губах!
Уведу тебя я в сказку
В самых лучших, нежных снах!

Уведу в свой рай желанный,
Где царит всегда весна!
Там цветут вокруг тюльпаны,
Манят запахом вина!

Посмотри, как небо ярко,
Освещают звёзды путь!
Неожиданным подарком —
Вдохновение и суть.

Пусть в глазах твоих сияет
Радость светлая всегда!
Поцелуем звёзды тают,
Зажигая в нас сердца.

Сохраню в руках любимый,
Мне вручённый талисман.
Ты душой неповторимый,
Самый сладкий мой дурман!

Читая Пушкина творенья

А. С. Пушкину

Читая Пушкина творенья –
Как актуальны в наши дни!
В них мысли яркой озаренье
И той глубокой новизны.

В них всё живёт дыханье речи
И слов волнует красота.
Пылает жаром, словно свечи,
Стихов бесценных чистота.

И где к стихам, как к талисману,
Готов припасть ещё не раз.
В душе рассеются туманы,
Когда сокровище в руках!

Пусть будет век Ваш долго длиться,
Не меркнет памяти строка!
А нам у Вас ещё учиться,
Дорога к знаниям нелегка!

Ты сегодня меня не встречаешь

Ты сегодня меня не встречаешь!
Белым снегом объята стоишь.
Птиц заблудших в полёт провожаешь
И от холода молча дрожишь.

Всё окутано небо туманом,
Дует ветер, срывая мосты.
Ты давно стала мне талисманом
И бальзамом уставшей души.

Ты врачуешь сердечные раны,
Черноглазое счастье моё!
Лишь с тобою опять я в нирване,
Не коснётся крылом вороньё.

Долгожданного мая рассветы,
По тропинке заветной шаги.
За гитарой с тобою куплеты,
Ты меня, как и прежде, дождись!

Ах, черёмуха белая,
Много лет мы с тобой!
Ты любовь моя первая,
Расцветает весной.

Расскажи мне, черёмушка,
Про печали твои!
Ты как красное солнышко —
Греешь сердце вдали!

Роза

Загадкой ночью оживают
Прекрасной розы лепестки.
Мне сердце нежно согревают,
Руками трону я цветки.

Её бутон целую светлый,
Посланье яркое любви...
В ней страсть и грёзы беззаветны,
Дыханье юное весны.

Красиво утренней росой
Наполнит, влагою она.
И манит следом за мечтою
С ней грёз ожившая волна!

Незаменимый

Нас не разлить с тобой водою,
Не заменить тебя никем.
Что уготовано судьбою,
И дует ветер перемен.

Лишь расстояние сближает...
О, сколько радости в груди,
Когда твой голос вдохновляет,
Огонь горит большой любви!
Родной, строкой обнять я рада,
Счастливых дней придёт черёд!
Моя любовь, моя отрада,
Тебя пусть ангел бережёт.

И ночью поздней сквозь преграды
Душа моя придёт к твоей
С весенней мартовской прохладой,
Сияя ярче фонарей!

Играй, моя скрипка

Играй, моя скрипка, играй, дорогая!
Волшебные струны свои не жалеи!
Июльская ночь и звезда золотая,
С мелодией стало намного теплей.

И тихая нота прольётся до неба,
Где дождик весёлый гуляет с зонтом,
Лишь нежные стрелы пронзаются к сердцу.
О, как же красиво вокруг за окном!

Играй, моя скрипка, играй, дорогая!
Пусть веселится и дальше народ.
Мелодия льётся с души вся без края,
Чудесный источник и мой кислород!

Гори, листочек мой, с печалью

Гори, листочек мой, с печалью,
Гори навеки, навсегда!
Взошёл твой дым над серой далью,
Дорога новая пуста...

Уйдёт мой табор на рассвете,
Оставив память о себе.
Забудешь ты при новом свете
О том далёком сентябре.

Замёрзли яркие поляны,
Ромашки спрятаны в снегу.
Они уже не так желанны,
Уже закованы во льду.

Ложится снег пуховой шалью
На плечи грустные мои.
Зима пришла, звенит хрусталью,
Замолкли в роще соловьи.

Гори, листочек мой, с печалью,
Гори навеки, навсегда!
Душа моя объята сталью,
Покрылись пеплом все слова...

Сквозь сон

Войду сквозь сон я робкими шагами,
К тебе спеша на краешек судьбы.
В ней август наш с холодными ночами
Сжигает звёзды яркой красоты.

Молчишь... Душа моя с тобою бродит
По тем местам, где ты порой идёшь,
Где мост большой с печалью всех разводит,
Меня улыбкой нежной обожжёшь.

Как много тайн скрывает это небо,
Как много звёзд в долине наших дней.
И скроется земля опять под снегом,
Но только жизнь нас делает сильнее...

Ворвусь в твой сон заветный ураганом,
Сметая страхи жалкие в пути.
К одной любви земной под океаном
Мне хватит сил дорогу ту найти!

Наталья Аншина

Журналист, предприниматель, ментор, магистр психологии и магистрантка программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Мама двоих детей. Автор детских стихов и прозы с лёгкой иронией. Любит животных, музеи и путешествия в необычные места. Пишет о повседневности, в которой скрыты высокие мотивы. Уверена, что психология помогает видеть подлинные причины человеческих поступков, а бизнес – помнить о читателе и ценности ясного повествования.

Повести Белкиной

Ирина Петровна помассировала лоб, растянула пальцами складки в углах глаз. Чуда, разумеется, не произошло. То, что она видела в зеркале, ей не нравилось давно и решительно. С таким фейсом и на улице нынче появляться неловко, не то что вести свой канал. Вот Тамара, где надо, подтянула, лишнее отрезала и снова выглядит на сорок лет, максимум на сорок пять при дневном свете. Ирина Петровна покосилась на толстый глянцевого буклет, оставленный подругой. Пролистнула. На каждом развороте одно и то же: слева лица как листья савойской капусты, справа – они же, но уже похожие на белокочанную капусту с рынка: светлые, гладкие и блестящие. Завтра она позвонит и запишется на первичную консультацию к этому хирургу-кудеснику.

Воодушевлённая и слегка встревоженная принятым решением, Ирина Петровна взяла рюкзачок и с небольшим опозданием относительно привычного распорядка дня вышла из квартиры.

Летом парк существовал отдельно от города. Солнце здесь светило мягче; пахло не выхлопными газами, а барбарисом и розами; чирикали воробьи, хотя с шоссе всё равно доносился гул машин. Ирина Петровна шла по аллее, где знала каждую ёлку, каждый куст боярышника, каждый щит с телефонами экстренных служб. Здесь она когда-то катала коляску с Илюшей, тут же бегала за его велосипедиком. Теперь сын присутствовал в её жизни в основном в форме денежных переводов – именно на них она и собиралась навести красоту.

Но грустила о прошлом Ирина Петровна недолго: и в настоящем хватало забот. Подписчиков снова стало двести пятнадцать. Кто-то один покинул канал. Хотя она всё делала как учили на курсах: постила регулярно, отвечала на комментарии, терпеливо объясняла, что фамилия настоящая и не просто так взялось это название: «Повести Белкиной».

Минут через десять быстрой ходьбы она вышла на поляну с деревянным столом и двумя скамейками по бокам. Краска на них облупилась, доски оцетинились будущими занозами, поэтому здесь почти никто не сидел. Ирина Петровна выбрала это место именно по этой причине.

Сначала она водрузила на стол штатив, закрепила на нём телефон. Перед камерой поставила вымытую банку из-под сметаны и плеснула в неё воды из бутылки. Затем тряхнула рюкзак раз-другой. Рюкзак отозвался звуком, напоминающим громохание погремушки. Это было ни пронзительно, ни особенно шумно, не нарушало покой парка и не разносилось по окрестностям далеко-далеко. Но звук был явно услышан теми, кому он предназначался.

Спустя пару секунд ветви берёзы неподалёку затрепетали, и из густой листвы на землю вывалилась крупная белка коньячного окраса. Ирина Петровна сколько ни размышляла над этим феноменом, объяснить его не могла: мозг размером с горошину, а во многих вопросах эти зверьки куда адекватнее людей. Например, к обеду являлись по первому зову.

Барон, а это был именно он, обычно двигался с достоинством аристократа – за что и получил своё имя. Но стоило ему учуять орех, как спесь мгновенно слетала. Толстая задняя часть начинала жить своей жизнью: подрагивала, дёргалась, вращалась. Как-то Ирина Петровна посетила занятие по тверку в центре «Вторая молодость». У Барона этот танец выходил убедительнее, чем у большинства посетительниц. Видео с его движениями под латиноамериканскую мелодию собрало рекордное количество лайков. Она бросила на стол горсть фундуков. Барон вспрыгнул, схватил орех и принялся грызть его с таким звуком, будто работающая бормашина.

Не успел Барон расправиться с первым орехом, как с сосны посыпалась кора. По стволу спускалась торопящаяся изо всех сил Мамочка. Торопилась она не слишком быстро: была на сносях. Впрочем, Ирина Петровна видела эту белку лишь в двух состояниях: либо беременной,

либо с набухшими сосками, кормящей очередной выводок. Прошлым летом, разрешившись приплодом уже во второй раз, Мамочка приходила сюда не столько поесть, сколько посидеть в тишине. Она устраивалась на спинке скамейки с орехом в лапках и смотрела в одну точку тем неподвижным взглядом, который бывает только у женщин, смертельно уставших от быта. Орехи время от времени падали в траву. Подписчицы писали в комментариях: «Как мы её понимаем».

Барон съел ещё несколько орехов и по той же берёзе ускакал по своим неотложным беличьим делам.

Из кустов показался рыжий Завхоз. Ирина Петровна сгребла орехи со стола и зажала их в кулаке: Завхоз был единственным, кого ей удалось приучить есть с руки. В ответ раздалось возмущённое цоканье. Его нетрудно было перевести на человеческий язык: почему всем просто так, а ему каждый орех приходится зарабатывать? Ирина Петровна могла бы рассказать ему, что жизнь в целом несправедлива, но Завхоз, судя по всему, понял это раньше многих её знакомых. Он двигался по спирали, уверенно приближаясь к её раскрытой ладони. Почти добравшись, встал на задние лапы, передними нащупал фундук и, схватив, мгновенно бросился прочь. Завхоз ел при ней редко. Зато делал запасы. И теперь, зажав орех в зубах, полз по-пластунски в поисках подходящего места. Со стороны казалось, что он пытается плавать в траве. Ирина Петровна снимала видео и едва сдерживала смех, когда заметила на дорожке ковыляющее облезшее существо.

Опухоль на мордочке делала белку похожей то ли на утконоса, то ли на бобра. Шерсть оставалась серой: к середине июня она так и не сменила зимний мех. Значит, животному было настолько плохо, что на линьку не хватило сил. Ирина Петровна уже занесла ногу, чтобы топнуть и прогнать этого уродца, испортившего всю выстроенную милоту.

Из её ладони на землю неловко выкатился орех. Белка, волоча за собой почти лысый хвост, подобралась к нему и принялась кое-как водить челюстями.

Разве ей жалко орехов? Она же Белкина – значит, должна привечать не только здоровых, но и таких. Ногтем поддела надтреснутую скорлупу, выковыряла плотное коричневое нутро и бросила белке.

Завхоз было бросился на нового гостя с возмущённым цоканьем, но Ирина Петровна быстро метнула в сторону от стола горсть фундука. Между выяснением отношений и провиантом Завхоз выбрал второе и затерялся в траве.

Ирина Петровна поставила на землю мисочку с водой. Изуродованная белка жадно припала к ней, почти не поднимая головы.

Гадать было бессмысленно: болезнь это или драка. Может, оклемается, если кормить и поить каждый день.

– Я буду звать тебя Тучка, – сказала Ирина Петровна. – Не против?

Белка подняла на неё взгляд. В нём не было ни поиска сочувствия, ни благодарности – только просьба, чтобы её не трогали.

Повинуясь внезапному порыву, Ирина Петровна впервые выложила видео без правки.

Вечером она, как обычно, не стала открывать приложение. Чтобы не привыкать постоянно торчать в соцсетях.

Утром цифры выглядели неправдоподобно. За ночь в канале прибавилось больше трёх тысяч подписчиков. Комментарии появлялись быстрее, чем она успевала их читать.

«Спасибо за пример бескорыстия и доброты».

«Я плакала, пока смотрела».

«Такие, как Вы, не дают потерять веру в людей».

«Этой несчастной можно помочь?»

«Куда отправить орехи?»

Перед выходом из дома Ирина Петровна, как всегда, посмотрела на себя в зеркало. Ничего особенного. Какая есть. Не хуже других. Она взяла глянцевый буклет, вышла на лестничную клетку и, не задерживаясь, опустила его в мусоропровод.

Татьяна Бадакова

Родилась в Ханты-Мансийске. Стихи начала писать в юности. Окончила курс «Литературное мастерство» преподавателя Литературного института им. А. Горького А. Воронцова.

Автор 13 сборников стихов и малой прозы. Публикуется в коллективных альманахах в России и за рубежом. Произведения переведены на английский, иврит, итальянский, китайский, немецкий и многие языки народов России и стран СНГ.

Лауреат Литературной премии им. М. Луконина (2025), Гран-при «Наследие литературы – 2025» (Россия) и других международных литературных конкурсов. Отмечена почётным знаком «Золотое перо русской литературы» (2024), почётной грамотой правления Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Калмыкия.

Член Союза писателей России и Международной гильдии писателей.

«Легким зефиром», или Как мы можем представить себе Александра Сергеевича

*Если Пушкин завладевает сердцами России, значит, жива Россия.
Борис Зайцев*

Изящной походкой, «легким зефиром»¹ влетал он в аудиторию и тут же завладевал вниманием всех присутствующих.

Безусловно, его экзотическая внешность не могла быть незамеченной. Но, кроме внешности, основным магнетизмом обладали его глаза, походка, манеры и душевные переживания.

Александр Сергеевич Пушкин был невысокого роста, кудрявым, голубоглазым, белокурым, с хорошей мужской фигурой. Но увидеть, как он говорит, двигается, жестикулирует, смеётся, невозможно. К сожалению, во времена Пушкина не было видео, а фотография только зарождалась. Мы можем представить себе образ великого писателя, его голос, жесты и мимику, только читая его произведения. А также помогают нам в этом воспоминания очевидцев, некоторые из которых я с вами поделюсь.

Художники Орест Кипренский и Василий Тропинин великолепно передали в портретах сходство с оригиналом. Глядя на Александра Сергеевича на их картинах, можно поверить, что таким Пушкин и был в свои двадцать восемь лет. Мнения современников о внешности Александра Сергеевича весьма противоречивы: от очень красивого до не представляющего из себя ничего особенного.

«Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нём до самых глаз выражение поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи – прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства»², – вспоминала муза Александра Сергеевича Анна Керн.

Любая сверхъяркая внешность без внутреннего наполнения будет интересной лишь на первый взгляд. Пушкин же завладевал вниманием собеседника от начала и до конца общения.

Пушкина любили в обществе: и простой народ, и свет, и царь. С замиранием сердца слушали, как он читает свои стихи. «Просто, без всяких умствований говорил то, что было у него на душе» – точно так Пушкин сам отзывался о Шекспире. Именно простая, ясная, обыкновенная русская речь притягивала каждого.

Но и Пушкин любил общество и с удовольствием беседовал на разные темы, спорил, шутил и выступал. Хотя, как упоминает К. А. Полевой в статье «Александр Сергеевич Пушкин», «кто не знал Пушкина лично, для тех скажем, что отличительным характером его в обществе была задумчивость или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить. Он казался при этом стеснённым, попавшим не на своё место. Зато в искреннем, небольшом кругу, с людьми по сердцу, не было человека разговорчивее, любезнее, остроумнее. Тут он любил и посмеяться, и похохотать...».

Все современники сходятся на том, что Пушкин был очень остроумен, любил подшучивать, иногда по-доброму, иногда со злым умыслом. Лились шутки, остроты, раздавался смех.

«Когда Пушкин хохотал, звук его голоса производил столь же чарующее действие, как и его стихи» (А. С. Хомяков).

Голос поэта никогда не звучал робко, в нём всегда присутствовала сила. Было бы очень интересно нам сейчас послушать запись речи Александра Сергеевича, но, к сожалению, это невозможно.

¹ Пушкин А. С. К Наталье.

² Фомина Л. Анна Керн. Муза А. С. Пушкина.

Когда поэт увлекался беседой, он разговаривал пламенно, иногда скороговоркой, но речь Пушкина была лёгкой и понятной. Он говорил тенором, очень быстро, каламбурил и по-русски, и по-французски, всегда живо и отрывисто³. Александр Сергеевич был удивительной живости, рассказывал много, всегда ясно, сильно.

Для меня, да и для многих моих современников, чрезвычайно важно воспоминание С. А. Соболевского, которое раскрывает Пушкина как человека: «Отличительной чертой Пушкина была память сердца; он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу, – особенно тем, которые любили его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему вовремя...»

Всё богатое наследие Александра Сергеевича Пушкина оказало мощное влияние на культуру речи русских людей, определило стиль литературных произведений и направление русского языка. Особенно для нас, нынешних писателей, важны советы и наставления великого поэта.

Пушкин трепетно относился к народному языку и призывал всех говорить и писать просто:

- будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление;
- употребление французского языка и пренебрежение русским имеет вредные последствия;
- жеманство и напыщенность более оскорбляют, чем простонародность;
- некоторые писатели почитают за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные;
- не худо нам иногда прислушиваться к московским просвишням (женщинам, выпекающим просфоры) – они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Наряду с продвижением в общественное сознание исконно русского языка, А. С. Пушкин с интересом и большим уважением относился к самобытной культуре всех народов России, изучал их жизнь, быт, нравы. Это проявилось в его творчестве, огромном наследии, письмах и впечатлениях от встреч с представителями разных народностей во время путешествий. А в нынешней России нет уголка, где бы не читали и не почитали великого поэта.

*Зазвучат наши степи ковыльные, вторя
Красоте твоих рифм, достигших небес.
Табуны лошадей в гривах вольную волю
Принесут, столь желанную, Гений, тебе.
От любезной калмычки – улыбку нежную,
Взор сегодня её уже вовсе не дик.
Благодарят потомки душой безбрежную,
На века воспетые – «друг степей калмык»⁴.*

Пушкин был красив всегда и везде: «в блестящей ложе, модной зале или кибитке кочевой».

Потому что он любил.

И был любим друзьями, поклонниками, женщинами.

И он страдал от многочисленных вспышек влюблённости, ревности, неразделённого чувства. «Был юношей страстным, искренне увлекающимся, умеющим любить женщину так, что другие и понять не могут»⁵.

³ Как разговаривал в жизни Пушкин.

⁴ Бадакова Т. Шестое июня.

⁵ Непомнящий В. С. 1000 строк о любви.

И спасибо, Боже, за эти страсти, за его неуёмные желания и пылкий характер, которые он сам называл «болезнью любви в душе моей».

«Пушкин пережил и перечувствовал всю жизнь и всеми мыслями своего времени и своего народа»⁶.

Сегодня мы, счастливы, читаем и восторгаемся плодами вдохновения Гения.

Часто, размышляя над тем или иным вопросом в наше сложное время, раздумывая о судьбоносных моментах в жизни нашей страны, ловлю себя на том, что обращаюсь к поэту: «А как бы воспринял это Пушкин? Со всем ли происходящим он бы согласился? Как бы поступил?» Россия любит Пушкина за его честность, за честь и патриотизм, за его интеллект и кругозор.

И я позволю себе признаться ему: «Я люблю Вас, Александр Сергеевич!»

⁶ Полевой Н. А. Пушкин.

Лариса Башкирцева

Публицист, член Российского союза писателей, библиотечный специалист.

Печататься начала с конца 90-х годов в местных изданиях. Неоднократно публиковалась в профессиональных библиотечных журналах, научно-популярных: «Инженер», «Техника – молодёжи», «Юный натуралист» и др., в региональных, межрегиональных, научных сборниках, в журналах Международного союза книголюбов, в сборниках издательства «Четыре».

Вошла в лонг-лист всероссийского конкурса «Медвяный звон» (Белгород), шорт-лист всероссийского конкурса «Литературной газеты» и журнала РЖД «Золотое звено». Победитель конкурса «Читательское признание».

Победитель конкурса Правительства Мурманской области «Лучшие в туристической Мурманской области» и регионального конкурса «Здесь истоки мои...» в рамках фестиваля славянских культур «Ворота солнца».

Пушкинский Север

С детства всем знакомы строки А. С. Пушкина из «Евгения Онегина»: «Вот Север, тучи нагоняя...»

В стихотворении «Осень» он писал: «Здоровью моему полезен русский холод...» и «Суровую зимой я более доволен, люблю ее снега».

А в других строках поэт словно противоречит сам себе: «Но вреден Север для меня».

Очень заинтересовала связь Александра Сергеевича с Севером: почему он обращался к нему в своём творчестве, хотя сам никогда не был на Севере, за полярным кругом?

В Мурманске, как и, наверное, в любом городе, есть Пушкинская улица. В самом центре города она соединяет улицы Воровского и Профсоюзов. Одна из самых первых в городе и одна из самых уютных. Именно здесь в 1916 году был заложен город Романов-на-Мурмане. Название «Пушкинская» улица получила 9 января 1937 года к 100-летию со дня гибели великого русского поэта.

Интересно, что в любимом скверике мурманчан на Пушкинской установлен маленький памятник треске, который вполне можно считать и «золотой рыбкой» из известной и любимой «Сказки о золотой рыбке». Недаром трут скульптурку-рыбку к удаче и достатку.

Северной ссылкой Пушкина называют Михайловское, хотя это не наш суровый Север, а псковский северо-запад. По иронии судьбы, через 190 лет, в 2014 г., в Ленинском районном суде Мурманска было рассмотрено уголовное дело... Александра Сергеевича Пушкина, мурманчанина – полного тёзки великого поэта.

Александр Сергеевич всё-таки однажды едва не оказался на Соловках за свои «вольные» стихи, эпиграммы и политические остроты. Вот за эти дерзости в 1820 году Александр I намеревался заточить его в Соловецкий монастырь. Лишь благодаря заступничеству Н. Карамзина и В. Жуковского Пушкин был отправлен на юг, как переводом по службе.

Поэт избежал заключения, но двум его родственникам не повезло. Среди соловецких узников был родственник А. С. Пушкина – двоюродный дед Сергей Алексеевич Пушкин. Другой родственник – дядя А. С. Пушкина Павел Исаакович Ганнибал и тот самый внук «арапа Петра Великого». Он был офицером флота, затем служил в гусарах и отличился во время Отечественной войны 1812 года.

Ганнибал постоянно попадал в разные приключения, а в июне 1826 года после доноса был арестован, отправлен в Петропавловскую крепость, а затем в ссылку, в Сольвычегодск. Перевели в Соловки, где был отдан штабс-капитану соловецкой инвалидной команды Соловецкого монастыря. Местный священник Досифей лично ходатайствовал о возвращении Ганнибала к своему семейству, подарил ему собственную шубу из-за суровостей соловецкого климата. На Соловках Ганнибал пробыл с весны 1827 по октябрь 1832 года.

Но был на Северном флоте и совсем другой полный тёзка Пушкина – офицер-подводник флота, контр-адмирал, кандидат военно-морских наук (22.10.1929 – 27.03.1997). Отслужил 27 лет в Военно-морском флоте, из них 20 лет – на атомных подводных лодках, прошёл путь от курсанта до командира дивизии подводных лодок. В течение 10 лет руководил журналом «Морской сборник» (1978–1987). Кому же, как не ему, судьба уготовила миссию организатора и бессменного руководителя Международного пушкинского общества?!

Александр Сергеевич Пушкин не имел никакого отношения к великому поэту, но иногда в шутку называл себя его пра-пра-пра-правнуком. Ему не раз приходилось объяснять, что он не «тот Пушкин», за что получил прозвище Непушкин.

Полное совпадение фамилии, имени, отчества с великим поэтом Пушкиным много раз приводило к курьёзам, а иногда неприятным ситуациям: в начале службы на Камчатке заместитель Главкома ВМФ адмирал Н. Е. Басистый решил, что его нагло разыгрывают, и дал Пуш-

кину 15 суток ареста. Или во время работы главным редактором журнала «Морской сборник» контр-адмирал А. С. Пушкин перед своей командировкой в Баку позвонил в редакцию газеты «Каспиец» и попросил прислать за ним в аэропорт машину. Молодой сотрудник тоже принял это за розыгрыш и ничего не предпринял, за что получил выговор от главного редактора газеты.

С 1956 года А. С. Пушкин на Северном флоте командовал подводными лодками, участвовал в ледовых плаваниях, совершал подлёдный поход со всплытием во льдах севернее острова Новая Земля. В 70-е годы был начальником штаба, комдивом 1-й флотилии атомных подводных лодок, получил звание контр-адмирала. Подробнее можно почитать в книге В. Бокова «Два адмирала».

Александр Сергеевич и сам автор более 200 научных работ по истории военно-морского искусства, рассказов, документальных повестей, стихов. Контр-адмирал Пушкин был разносторонним человеком: в совершенстве владел английским и французским языками, писал картины маслом, играл на фортепиано, прекрасно пел. Член Союза журналистов, доктор исторических наук, академик РАЕН и Международной академии информатизации.

В 1992 году стал учредителем и президентом Международного пушкинского общества в России, в правление которого входили такие известные люди, как скульптор М. К. Аникушин, академик И. Р. Шафаревич, митрополит Питирим, актёр Н. П. Бурляев. Целью организации была просветительская работа по расширению знаний о Пушкине и объединению многочисленных потомков великого поэта и потомков его друзей.

Когда-то А. С. Пушкин предсказал о себе:

*И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

Всё так и случилось: есть переводы Пушкина на северные языки – финский, эвенкийский, якутский, ненецкий, чукотский, нивхский. К примеру, впервые на иностранный язык «Капитанская дочка» была переведена в Швеции: её перевод был напечатан в Стокгольме в 1841 г., т. е. через пять лет после публикации в России. За шведским переводом последовал датский (1843). А вот на саамский язык нет ещё перевода Пушкина (в отличие от С. Есенина). Удивительно, но не издавало Александра Сергеевича и «Мурманское книжное издательство».

Северная «Капитанская дочка»

В 2026 году исполняется 190 лет роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Семья Пушкина... Нет, наверное, такой семьи не только в России, но и за рубежом, которая не являлась бы частью этого огромного пушкинского семейства! И это совсем не потомственное кровное родство с ним. Это любовь к его творчеству, чтение, изучение, поездки по пушкинским местам, коллекционирование своей пушкинианы. Наиболее известные и крупные книжные коллекции были у многих маститых библиофилов, например Н. Смирнова-Сокольского и П. Губара.

В нашей семье тоже есть своя небольшая пушкиниана: книги о самом Пушкине, о его творчестве, окружении, дневники, письма и пр.

А ещё собрали коллекцию разных изданий романа «Капитанская дочка».

Вдохновитель и зачинатель коллекции – ещё бабушка, Надежда Александровна Ковалькова. Имя бабушки совпало с именем матери А. С. Пушкина. Именно с её сохранившейся книги «Капитанская дочка» 1936 года и началось семейное коллекционирование этого романа. У бабушки с дедушкой она уцелела чудом и во время Великой Отечественной войны, в эвакуации.

Коллекция начала собираться и благодаря моему папе. Он был капитаном, только морским, и часто говорил нам с сестрой: «Берегите платье снову, а честь смолоду!» Это эпиграф «Капитанской дочки», ну а мы с сестрой и есть «капитанские дочки», только «морские». Сохранились и наши с сестрой детские, школьные издания, которые и продолжили коллекцию. Отказались от собирания изданий XXI века: за редким исключением, они не так интересны. В основном в нашей коллекции – начало и середина XX века. Есть книги «Капитанской дочки» с экслибрисами интересных личностей, личных библиотек, печатями, штампами. Есть издательские сигнальные экземпляры.

Окончила библиотечно-информационный факультет ЛГИКа, училась у корифеев и классиков книжного дела – И. Е. Баренбаума, А. В. Мамонтова, А. И. Ванеева, А. П. Эльшевича, И. А. Шомраковой и других. Благодаря им постепенно стала разбираться в книгах, изданиях, сериях – коллекция начала обретать смысл и систему. Очень благодарна этим невероятным людям и преподавателям!

Однажды увидела интересные иллюстрации к «Капитанской дочке» на одной из музейных выставок – так приобрела потом издание с иллюстрациями именно этого художника. Изучали других художников-иллюстраторов повести Пушкина и искали издания с ними. В 2026 году юбилей и у первого иллюстратора «Капитанской дочки» – Павла Соколова. Его иллюстрации вошли в издание романа В. Гюте (1891), которое считается первым русским библиофильским.

Узнавали о выходе юбилейных, памятных изданий, хотелось, чтобы и у нас они были. Роман выходил в разных издательствах – тоже стало интересно их отыскивать: «Детгиз», «Детская литература», «Художественная литература», «Современник». ...То же самое и с серийными изданиями: «Школьная библиотека», «Библиотека школьника», «Дешёвая библиотека» и др.

Очень интересны и издававшие «Капитанскую дочку» регионы. Удивительно, что мурманские книжные издательства и не выпускали Пушкина вообще. Но есть северные и северо-западные издания: Архангельск, Петрозаводск, Вологда. Есть оренбургские, с печатью В. Попова. Не нашли пока, кто он. Но оренбургские книги особые, потому что роман появился благодаря поездке Пушкина по Оренбургскому краю. Тогда возник замысел его написания.

Подружились с Оренбургской областной библиотекой: как оказалось, они тоже собирают издания романа «Капитанская дочка». Даже основали акцию «С миру по „Капитанской

дочке“», и в библиотеке создан уже целый музей «Капитанской дочки»! Конечно, тоже очень захотелось сделать для Оренбургской библиотеки подарок. Увлекаюсь изготовлением текстильных книжных обложек, поэтому отправила в Оренбург «Капитанскую дочку» в обложке с северным узором. Выбрала и северное издание Пушкина. Собираю ещё фарфоровые кукол, к повести «Капитанская дочка» создана мастерами и коллекционная фарфоровая кукла «Маша Миронова». Также отправилась в подарок оренбургским коллегам.

Об этом можно почитать на сайте Оренбургской библиотеки: среди многих дарителей выставлен подарок и нашей семьи.

Есть очень интересные зарубежные издания романа, например: французские, парижские. Одно из них – XIX в., 2-е издание на французском языке, в переводе Луи Виардо, мужа знаменитой Полины Виардо. Это жемчужина и гордость нашей коллекции.

Другое парижское издание – русскоязычное, 1945 г., предназначено было для военнопленных. Ещё его уникальность в том, что оно с экслибрисом иллюстратора детских книг, автора открыток и экслибрисов, художника В. Фролова и из его личной библиотеки.

Третье парижское издание – на французском языке, современное, но выпущено известным издательством с многолетней историей – «Галлимар». Пожалуй, это издательство единственное выпустило роман «Капитанская дочка» с картиной Боровиковского, на которой изображена Екатерина в саду. Именно в саду произошла встреча Маши Мироновой и императрицы.

Ещё одно интересное зарубежное русскоязычное издание – чешское, пражское, но русского эмигрантского издательства «Хуторок», 1946 года.

Посчастливилось побывать с мужем в 2018 г. во Франции и Чехии, и эти издания как приятное напоминание о поездке. В Праге, в Клементинуме, не было предела удивлению, когда узнала, что одной из его коллекций является библиотека Александра Филипповича Смирдина (1795–1857) – всем известного в России книжно-журнального издателя, популяризатора и распространителя русских книг, библиографа, книготорговца, благотворителя, имя которого тесно связано с А. С. Пушкиным. В 1975 г. всё книжное собрание А. Ф. Смирдина в пражском Клементинуме удалось увидеть известному пушкиноведа, слависту, старейшему сотруднику Института славяноведения РАН, участнику Великой Отечественной войны, встретившему её окончание в Праге, – Льву Сергеевичу Кишкину (1918–2000). Интересно, что его образ увековечен в герое Л. Быкова в фильме «В бой идут одни старики». Львом Сергеевичем ещё в студенческие годы была написана диссертация по Пушкину, в 1985 г. вышла его книга «Чехословацкие находки», в которой много внимания уделено А. Смирдину и А. Пушкину. Эта книга тоже есть в нашей коллекции. Именно Л. С. Кишкину удалось подробнее узнать о новой жизни этого собрания Смирдина, начиная с 1930-х годов. Коллекция Смирдина в Клементинуме составляет особый самостоятельный фонд Славянской библиотеки. В пражской части коллекции Смирдина хранятся издания самого А. С. Пушкина. 6 июня 1984 года, в день 185-летия со дня рождения А. С. Пушкина, 95 книг-дубликатов из смирдинского собрания, вышедших до 1837 года, были торжественно переданы чешскими коллегами в дар Государственному музею А. С. Пушкина в Москве, где родились и Пушкин, и Смирдин.

Повезло даже пообщаться с сербской библиотекой, когда узнала, что на «Капитанскую дочку» есть... комикс. Сделал его русский художник-эмигрант в 30-х годах XX века А. Б. Ранхнер. Тогда в сербском журнале «МикаМиш» вышла целая серия комиксов на русскую классику. Хранятся они и оцифрованы в сербской библиотеке. Сербские библиотекари нашли этот журнал, но выпуска с «Капитанской дочкой», к сожалению, не оказалось. Зато получилось интересное общение. А комикс, как выяснилось, есть даже русский, 90-х годов XX века в... журнале «Крокодил».

Особая часть коллекции романа – миниатюрные книги. Собрали, кажется, все существующие на сегодняшний день миниатюры. Есть и 1913 года, хоть и рваненькая. Можно долго рас-

сказывать о каждой, но есть о них моя подробная статья в журнале «Библиотечное дело» (2024, № 11).

В нашей коллекции пушкинианы и «Капитанской дочки» собраны ещё указатели, комментарии, путеводители, журналы, пластинки, стеклянные слайды «Капитанской дочки» 1937 г., открытки, календарики, деревянная шкатулка в виде книги «Капитанская дочка» и даже парфюм.

Всей семьёй ездили по Пушкинскому кольцу, в Торжке были в его доме-музее. В Санкт-Петербурге тоже есть много уже любимых мест, связанных с Пушкиным, интересны пушкинские московские музеи. В городах разработаны туристические «Пушкинские маршруты». Александр Сергеевич всё равно неисчерпаем и непостижим, до конца не изучен и бесконечен – как сам бескрайний Север!

Владимир Визгалов

Родился в 1949 г. в посёлке Скуратово – пригороде Тулы. Автор ряда технических изобретений СССР. Печатается в коллективных сборниках Российского союза писателей и издательства «Четыре». В 2025 г. его произведения вошли во французский альманах русской литературы «Dovlatoff в Париже» и коллективный российско-китайский сборник «Слово и дух». Поэт неоднократно номинировался на национальные литературные премии «Русь моя», «Наследие», «Поэт года» и «Писатель года». Вошёл в шорт-лист международной литературной премии «800 лет Великому князю Александру Невскому» в номинациях «Поэзия» и «Проза». За литературную деятельность отмечен множеством общественных наград и дипломом Альфреда Нобеля, имеет почётное звание «Гражданин литературы». Член Интернационального, Российского союзов писателей и РОО «Творчество и потенциал».

Зимний восторг

Предрассветная даль
серебрится в ночи.
В дивном вальсе снежинки
неспешно кружатся!
Лес, уснувший в блаженной истоме,
молчит,
дав душе тишиной
в тишине наслаждаться...

Я вдохнул красоту,
и душа, восторженувшись,
словно птица, порхнула
в эфемерный астрал,
где зайчонок-беляк,
под ногами проснувшись,
возвратил меня в сказку,
когда я заплутал.

Предрассветная даль
полонила мне душу,
поразили снежинки
кружевной красоты!

Мне мороз не по нраву,
но что может быть лучше,
чем дышать зимней стужей
неземной чистоты?!

2026 г.

Рождественское навечерие

В Подмоскowie
кружится торжественно
белый снег неземной красоты –
в навечерие
Рождественское,
в день божественной чистоты...

А вокруг тишина хрустальная,
окна светят теплом живым,
и уходит печаль случайная,
превращаясь в лампадный дым...

И душа в благодати купается –
вновь сбылось
предсказанье волхвов:
в моём сердце Христос рождается
под покровом январских снегов!

В храме звёздочки-хризолиты
чудеса вновь явили в ночи –
отогрели мне душу молитвы,
лик святой и мерцанье свечи!

2026 г.

Воспоминания о малой Родине

Сквозит тоска по Родине далёкой!
Воспоминаний наплывает грусть,
мне видится во снах домишка блёклый,
где вырос я –
смышлёный карапуз.

В забытой мазанке⁷, разрушенной дотла,
остался только остов русской печки
и над подвалом земляным ветла,
наш сад вишнёвый
да трава по плечи...

Я возвращаюсь по мосту, через прудок,
для встречи с барским парком
тополиным,
чтоб, малой Родины испив ещё глоток,
поклоны бить столетним исполинам!

В громадных кронах чёрных тополей
искал я счастья мимолётного виденье,
и парк, вздохнув,
явил мне вдохновенье
под крик свирельный белых журавлей!

2026 г.

⁷ Мазанка – сельская изба с соломенной крышей и стенами из хвороста или камыша с обмазкой.

Ах! Пушкин! Пушкин

Из раза в раз
у Пушкина в стихах
я нахожу изысканную лёгкость!
В его поэзии величие, размах
и ярких чувств высокая духовность!

Его эпитеты, метафоры, сравнения
то в ямбах,
то в хореях оживают.
А сколько мудрости, достоинства, добра
поэмы между строк своих вмещают!

Какие таинства под сенью его сказок!
Какое поклоненье осени печальной!
И вовсе не скандальны строк его проказы,
в которых страсть
он обнаруживал случайно...

2020 г.

Год Огненной Лошади

Скачет к нам на огненных подковах,
рассекая звёздный небосвод,
в огнедышащих, как зарево,
обновах
ярко-красный лошадиный год.
Алой гривой полыхают зори,
стук копыт разлился вдалеке...
Набирая скорость на просторе,
мчится конь по огненной реке!

Год удачи, творческих свершений,
добрых дел и пламенных побед!
Год великих, ярких достижений,
оставляющих в истории свой след!

2026 г.

Неизвестной поэтессе А. Т

Ах, Боже мой!
Какая красота!
Какая мелодичность грустных строф!
Каков узор животворящих слов!
Как непорочна мыслей чистота!

В стихах твоих
Любовь и нежность,
И ветра утреннего свежесть,
И непосредственность дитя,
Вселенский Дух
И Русь моя!

2026 г.

Изнанка интернета

В сети безбрежной, в цифровой пыли,
где пиксели сбиваются в узоры,
на сайтах-ярмарках
тщеславные нули
плетут интриги, фейки, сплетни, ссоры...

Вот дама-блогерша спешит на пьедестал,
где совестью торгует без затей,
чтобы, за лайки грязь свою продав,
душой ущербной стать ещё беднее...

А это форум, где кипит словесный бой,
здесь каждый мнит себя Сократом новым,
хотя под масками давно лишь крик пустой,
не истиной рождённый –
бранным словом!

Вот «Инстаграм»⁸ – витрина лучших дней,
под глянец отшлифованных, без трещин –
парад улыбок томных, дорогих вещей
и... одиноких мужиков и женщин!

Портфолио блестят, как медный грош,
в них достижения самой разной масти.
Но только вряд ли правду ты найдёшь,
где жажда денег лёгких,
славы или власти!

Мы строим замки из нулей и единиц,
возводим храмы собственному эго
и в сонме ярких, фотошопных лиц
вдруг забываем облик человека...

Но стоит лишь компьютер погасить,
как что-то щёлкает
в моём мозгу усталом,
и появляется желание просто жить –
ведь всё до чёртиков
давным-давно достало!

2025 г.

⁸ Социальная сеть «Инстаграм» запрещена на территории РФ.

Дорога к себе

Во мне смешались день и ночь,
и непогода, и невзгоды,
и нежеланье превозмочь
себя –
любимой женщине в угодую!

Воспоминаний тяжкий груз
терзает душу дни и ночи,
не вдохновляет голос Муз,
желаний нет уже и мочи!..

То я грешу, то я молюсь,
то к своей совести взываю,
то зарекаюсь, то боюсь,
то сам себя не понимаю!
Мечусь пылинкой на ветру
я у реальности убогой
и, засыпая лишь к утру,
опять ищу к себе дорогу!..

2026 г.

Мне по душе

Мне по душе поэзия-набат –
без лишних сантиментов и слюней,
в которой слово каждое – солдат,
а не порхающий меж строчек воробей!

Мне по душе поэзия-призыв,
когда слова к чему-то побуждают,
когда она встречает в сердце отзыв
или кого-то думать заставляет!

Мне по душе поэзия любви
к народу нашему,
неприхотливому без меры,
пронёсшему страдания свои
через доверчивость, терпение и веру!

2026 г.

Любимой жене

Как я хочу
упасть в поток любви,
шептать о счастье безвозвратных лет,
о нежности восторженных ночей,
в которых мы,
не ведая рассвет,
купались
в любово­страстности своей...

Я вспоминать хочу лишь о любви,
о томных ароматах
дивных дней,
о грусти
в твоих преданных глазах,
о красоте
божественной твоей,
которая ко мне являлась в снах...

Мне хочется
упасть к твоим ногам
в знак благодарности
за внуков и детей,
чтобы невзгоды, боль
и все разлуки
совсем ушли из памяти твоей...

Я целовать хочу натруженные руки
любимой женщине своей!

2026 г.

Наказ

Убегай от соблазнов и лести,
от коварства слащавых речей,
от желанья утешиться местью
и безмерно богатых людей...

Берегись неуёмной гордыни
и тщеславья, томящего душу.
Не молись божествам и святыням,
если в сердце
почувствовал стужу...

2025 г.

Розана Даутова

До выхода на заслуженный отдых работала в лицее № 12 города Ишимбая учителем английского языка, классным руководителем и заместителем директора по иностранным языкам, имеет звание «Отличник образования».

Розана Гильмановна впервые начала писать стихи в 2020 г. На сегодня в её копилке участие во множестве коллективных сборников и альманахов, победы в конкурсах поэтических групп в ВК, переводы стихов с иностранных языков, песни в содружестве с композиторами, стихи к картинам талантливых художников.

Итогом пятилетнего творческого марафона стал сборник «ДаРоГи», получивший почётный титул «Книга года – 2025» по версии издательства «Четыре». Авторский сборник отражает внутренний мир, гражданскую позицию, фантазии и переживания автора.

У самого синего моря

...Сидит у землянки старуха,
Пред нею всё то же корыто,
Вокруг – нищета и разруха:
Мечты о реальность разбиты.
Опущены плечи понуро,
И руки, как плети, повисли,
В душе поднимается буря,
Гнетут невесёлые мысли:
Была столбовою дворянкой
И даже царицею вольной –
Вновь стала простою крестьянкой
С обыною женскою долей.
За жадность наказана бабка –
Не быть ей морскою владыкой,
Лишившись бывшего достатка,
Опять горе-горюшко мыкать.
Сидит у землянки смиренно
И ждёт возвращения мужа,
Готова упасть на колени –
Куда уже может быть хуже...
Алеет закатное небо.
Старуха, согбенная кротко,
Латает оборванный невод,
Старик у плетня чинит лодку.
А в доме бревенчатом окна
Вечернему бризу открыты,
В лохани нательное мокнет,
Не видно худого корыта.

Нежданная встреча

Однажды кот весьма «учёный»
Спешил, как все мы, по делам,
И вдруг он замер, изумлённый,
Не веря собственным глазам:
Шагал размашисто навстречу
Ему сам Пушкин Александр!
Лишились оба дара речи:
Какая встреча, вот так кадр!
Поэт и кот скрестили взгляды,
И что-то ёкнуло в сердцах:
Стоял с героем автор рядом
На тротуаре в двух шагах.
Поэт, подняв с почтеньем шляпу,
Кивнул приветливо коту,
А тот махнул свободной лапой
Поэту тоже на ходу...
Продолжил путь по парапету,
Вильнув хвостом, «учёный кот»,
Воспетый гением-поэтом...
«Куда Баюн с сачком идёт?» –
Подумал Пушкин, оглянувшись.
На парапете нет следов...
«Ну что ж, – сказал он, усмехнувшись, –
Люблю загадочных котов!»
Была ль случайной эта встреча?
Кружился снег, мела метель...
Январский вечер скоротечен.
А впереди – февраль, дуэль...

Метель

Мария, дочь помещика Гаврилы,
Была юна, красива и умна –
Как все о ней в округе говорили,
Без памяти к тому же влюблена.

Пылал Владимир к ней ответной страстью:
Жениться на Марии был не прочь.
За прапорщика бедного, к несчастью,
Гаврила замуж не отдал бы дочь.

Отчаявшись, влюблённые решили
Венчаться от родителей тайком,
Просить благословения хотели,
Признавшись о содеянном, потом.

Однако в день злосчастного побега
В деревне разыгралась вдруг метель,
Дороги замело по пояс снегом...
Владимир на венчанье не успел...

Слегла невеста к ночи с лихорадкой...
Отправился Владимир на войну...
Осталась неразгаданной загадка,
За что Мария чувствует вину...

Владимир погибает от ранений,
А следом умирает и отец.
Богатая наследница владений
Ни с кем идти не хочет под венец.
Но вот она знакомится с гусаром:
Любезным кавалером Бурминым,
Чей пылкий нрав и пламенные чары
Печаль её рассеивают в дым.

Осмелится Бурмин раскрыть ей тайну:
Шутя, он с незнакомкою в метель
В церквушке – оказавшись там случайно –
Венчался, хоть жениться не хотел.

Мария в изумленье признаётся:
ОНА невестой в церкви той была...
Сердца двоих в едином ритме бьются –
Не зря метель дороги замела...

Пути Господни неисповедимы.

Вращается сансары колесо.
Страстями неуёмными томимы,
Покорно бремя жизни мы несём.

«Блажен, кто смолоду был молод...»

«Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел»
И чей был путь тернист и долог,
Кто свет в кромешной тьме узрел;

Блажен, себя кто не неволит
Послушно прихотям чужим,
Кто милосердием наполнен,
Толпою будучи судим;

Блажен скиталец и бродяга,
Тот неуёмный пилигрим,
Кто, не страшась лишений тягот,
Кочует, ангелом храним;

Блажен и тот волшебный лекарь,
Что исцелит любой недуг,
Наполнив силой человека
Одним касаньем жарких рук;

Блажен, кто принял воздержание
И отошёл от благ земных;
Своё расширил кто сознание
И учит мудрости других;

Блажен раскаявшийся грешник,
И повинившийся «злодей»,
И примирившийся мятежник...
Прощает Небо всех людей...

Блаженны молодости годы.
Блаженна зрелости пора.
Вся жизнь под синим небосводом
Благословенна и мудра.
Розана Даутова

Александр Дементьев

Творчество автора зарождалось в студенческие годы. Этому поспособствовала любовь к литературе, поэзии со школьных лет. Желание передать в произведении то, что хотелось, помогало глубже понимать события, описываемые в нём, и заставляло больше размышлять.

Участвовал в выпусках литературных альманахов, печатался на страницах институтской многотиражки, местных газетах по месту жительства.

Автором выпущена книга стихов в 2024 г. в Москве в издательстве «Делибри» под названием «Преодоление».

В последние два года активно сотрудничал с издательством «Четыре».

Тематика стихов у автора самая разная – от любовной, пейзажной лирики до гражданской поэзии. Особое место занимает героическая тема Великой Отечественной войны и подвига нашего народа.

За пеленою облаков

За пеленою облаков
Скользило солнце, прячась,
Округло, матово, легко
В них иногда маяча.
То исчезало... А снег шёл
То мелкий, то, как в танце,
Кружась снежинками... как шёлк,
Расстелен белым сланцем,
На ветках клочьями вися,
От прежних тех метелей.
Они, дороги заноса,
Оставить след успели
И горки, груды вдоль дорог
Расчищенного снега...
Весне встать рано на порог,
Лишь оттепели нег
Смягчит чувствительный мороз,
Но ненадолго, где там!
Вновь проберёт порой до слёз,
Хоть будешь и одетым.
И ветер жгучий каждый раз
Запомнится под случай
И без особенных прикрас:
Дом, чай горячий лучше!
За пеленою облаков
Скользило солнце, прячась,
Округло, матово, легко
В них иногда маяча.

Оголённые ветви берёзы

Оголённые ветви берёзы,
Истончаясь, свисают, дрожа...
Чередой приходят морозы,
И метели над нею кружат.
И её берестяная кожа,
Что, на зависть другим, так бела,
Как у русских красавиц, но всё же
Для берёзы, без спора, кора.
Любовался не раз я порою
И в ней чувствовал женскую суть:
Та же лёгкость и гибкость, не скрою,
Стройный стан не давали уснуть!
Как она терпелива в молчанье,
Как ей хочется новой весны,
Шелковистой – чтоб я замечал в ней
Живой трепет – весенней листвы.
Балериной как будто на ножке
Замерла в ожидании струй...
Ей не нужен ни глянец с обложки,
Ни влюблённых – ничей поцелуй!
Пусть зимой её образ чуть строже,
И она оттого холодней...
И слезинками словно на коже
След подтаявших льдинок на ней.

Голубая планета

Раннее утро. Трепещет листва.
Свежий скользит над землёй ветерок,
Весело солнцу на листьях блистать
Летней порой – не истёк ещё срок!
В небе, белея, плывут облака,
Голубизну его взглядом окинь...
Трудно представить: века и века
Было оно над землёю таким
Близким, далёким, манящим, родным –
Не наглядеться, хоть сто лет живи!
И хотя небом живёшь не одним,
Но ощущение порой удивит,
Как бы рождая особую связь.
Больше полвека, как в космосе мы,
К новым планетам, к орбитам их мчась,
Только как наша найти не могли!
Вряд ли такую ещё отыскать,
Пусть бесконечны Вселенной миры.
Здесь родились, и Земля нам, как мать,
Дарит без счёта для жизни дары.
Разве умеем её мы беречь,
Ту красоту, не деля меж собой?
Многоязычная, разная речь...
Каждого века в земле есть свой слой!

Борис Пастернак

*Здесь будет спор живых достоинств,
и их борьба, и их закат.*

Б. Пастернак

Он был непохожим на всех не по коже:
По взглядам, по росту, размерам, точней.
Для века другого он был, как прохожий,
И, вперив свой взгляд, мог он до мелочей,
До чувств оголённых всё выразить словом,
Порой необычно, стремясь глубоко
Проникнуть до сути, стремясь к тем основам,
Чтоб видимы были и в лоб, и с боков.
И он избегал – ни к чему тут шумиха
Для самоотдачи – вот творчества цель,
Любовь привлекая пространства и тихо
Живя в Переделкино – всё же не щель...
Когда оказался прижат, как в загоне,
От новости всплеска, где пруд был и лес,
Он в шуме летящей по следу погони
Винить отказался себя наотрез!
И силу добра отличал он от злобы
И зависть надменных ваятелей строк,
Ревнивых гонителей и твердолобых –
Всему есть на свете пора и свой срок!

О русском языке и лире

Я как будто проснулся великим поэтом,
Приблизённо другие, собравшись, стоят,
Кто-то просит рецензию, кто за советом,
Принимаю торжественный святообряд!
Обношу всех по-царски вином и подарком,
Всё ж на службе отечеству – дёроги мне.
Сам я вроде как есть, или это ремарка,
Вознесённый наверх и теперь на коне.
Ощущенье недолгого, но как бы взлёта,
Что хотелось – сбылось, в мире вечного нет!
И душа подустала – работа, работа,
Днём и ночью работа, ведь ты же поэт!
Блок, Цветаева – разве же мы не чета им?
Но по спинам напрягшимся – лёгкая дрожь...
Мало кто узнаваем из нас и читаем,
И причину осознанно тоже найдёшь!
Интерес, он к поэзии слишком изменчив,
То, как шквал, летит голос поэта с трибун.
Маяковский и площадь как оттиск, не меньше,
Он стоит громовержец – поэт своих дум!
Неподкупный, разящий гнильцо на планете,
Вместе с солнцем над тьмою в веках воспарив.
У титанов и то не рождаются дети
Выше их и по силе – пойдй сотвори!
В безысходность молчания лиры не верю,
Ты всегда был могучим, о русский язык!
И, в отчаянье, всю ощущая потерю,
Вновь к тебе обращаюсь я: «Что ж ты поник?»

Крым

Я вспомнил вновь твой берег дальний,
Чудесный Крым, волшебный край,
Приветливый, многострадальный,
Для северянина как рай!
Там сказы древних поселений
И скифские курганы спят,
Туда спешат для откровений,
На отдых едут и летят...
Дробясь о каменные глыбы,
Там волны взад-вперёд снуют,
И птицы гнёзда выют, и рыбы
Находят для себя приют.
И вся история России
Причудливо переплелась
С державной поступью усилий
За выход к морю и за власть.
Там стойкость русскую изведаль
Турецкий воин, и не раз.
И флот одерживал победы,
И Севастопольский плыл вальс...
И сердце русское не знало
Сомнений больших от того,
Что Крым, вонзилась весть, как жало,
Был передан... как сапогом,
Она топтала доблесть предков...
Но кто тогда спросил народ?
«Страна одна», – звучал нередко
Ответ. Всё знать бы наперёд!
К штормам привычный, непогодам,
Где христианство и ислам
Делили веру и народы,
С кем быть – Крым выбирает сам!
И, как жемчужина, сияет
Меж двух морей завидный край
И флаг российский поднимает
Среди враждебных духу стай!
Как из похода в свою гавань,
Он возвращается к нам, Крым,
Московским салютуя главам,
Вновь присягнув на верность им!

Троя

Во тьме веков теряются следы,
О некогда блистающая Троя,
Когда ещё не ведала беды,
В привычной жизни планы свои строя!
Ещё к вратам признанья и дары
Стекались по путям торговым мира,
И двор царя Приама, до поры,
Средь стен своих не знал кровавей пира...
Тут с давних пор успешный торг вели
И хетт, и грек, и скиф, и египтянин,
И море, что виднелось чуть вдали,
Как будто оживало с новостями.
Молва, как ветер, пронеслась: Парис,
Посланником что был от славной Трои
Для мирных дел, вернулся. В чём сюрприз?
Влюбился и побег тайком устроил
Красавице, к тому ж жене царя
Средь греков. Хотя нет её прекрасней,
Но чувства не всегда нам говорят:
Что лучше для судьбы и безопасней?
Елену как невесту взял Парис...
Для вспыхнувшей любви то не преграда,
Что в гневе муж, как туча, вслед навис
Над ними – может, так ему и надо!
Он знал войну, охоту, да пиры,
Да меж друзей хмельные разговоры.
А женщине – пред нею все миры
Открыты! Что супружеские ссоры?
И даже сам отважный Ахиллес,
Любивший в спорах меч извлечь из ножен
И первый воин среди них, вразрез
Не шёл из-за Елены – осторожен!
А тут, стерпеть такое – не дано!
Парис был гостем – честь ему и слава,
Но позволять украсть жену – давно
Никто не слышал о подобном, право...
Что толку мстить, обиду затаив,
И быть посмешищем в злорадном мире?
Не лучше ли достичь богатых нив
И стать героем среди них отныне!
Как знал: Парис любимцем был отца,
Тот никогда не даст его в обиду.
Проси богов, спроси хоть мудреца:
А в спорах вся надежда на Фемиду!
И случай в руки неспроста идёт.

Тут жди гостей непрошенных в пределы!
Не дремля, греки не один уж год
Куют мечи, доспехи, множат стрелы.
Царь Агамемнон, на совет собрав
Своих соседей, в чём нужда порою
Была, и Менелая поддерживав,
Призвал пойти войной в поход на Трои.
А там устроить суд: смерть от меча
Пусть примет нарушитель прав, Парис;
Елене ж перед мужем отвечать,
Как за измену, так и за каприз.
Довольно о заморских чудесах
Им слышать, их пора уже увидеть,
Богатая добыча на весах
Кого б могла среди царей обидеть?
И разве своенравный Ахиллес
В поддержке им откажет? Нет сомненья,
Ведь к Трое у него свой интерес.
Да будет ли в том доброе знаменье?
И вот идёт война десятый год...
То стычки, то сраженья – нет успеха,
Который был задуман наперёд,
И Троя не сдаётся – не до смеха!
А стены её так же высоки!
И многие, придя, пред ними пали.
Своею мощью, как их ни окинь,
Они пред каждым взором выступали.
И сотня кораблей, как стая птиц,
Готовиться в поход обратный стала,
Чуть больше оживления средь лиц,
Но радости на них совсем уж мало!
Чем тут унять раздоры меж племён?
Ведь тяжким бременем легла осада.
Представ у врат, как дар богов, конём,
Исполненным – для глаз одна услада –
Искусным мастером, что воплощён
Вершащим славу Трои, вот досада,
Обманом стал... Ликуя и вкатив
В свои пределы крепости, не зная,
Чем грозен он, беду не отвратив,
Опасностью его пренебрегая,
Был принят дар... Оставив на виду
У осаждённых злополучный берег,
Где волны плеск немолчный свой ведут,
С попутным ветром вдаль, по крайней мере,
Отплыл противник. Стражам невдомёк,
Что цель была иной и не напрасной:
Врасплох убиты были все, кто мог
Защитой быть для крепости несчастной.

Коварство, подкуп, хитрость – удались!
И в чреве конь своём таил угрозы.
В нём воины, собой что поклялись,
Рискуя, ждали часа... Что им слёзы?
Внезапно всю охрану перебив,
С ворот сбивая крепкие запоры,
Немало перед этим тайн добыв,
Лишали осаждённых их опоры.
И, возвратившись, греки ворвались
В открытые врата, где сном объаты
Ещё все были те, чья больше жизнь
Была не жизнью – горькою расплатой.
Повсюду стоны слышались в ночи
Среди резни, пожаров, криков, плача...
К себе на помощь, как ты ни кричи,
Звать некого, и смерть в бою – удача!
Дворец ли, дом – дотла в ней был сожжён,
Повержены до оснований стены...
Убит был царь Приам, не пощаждён,
И тяжкий жребий выпал для Елены.
Парис, сражённый, пал – мечом пронзён,
Неравный бой не мог остановиться...
И взятых в плен невольников имён
Никто не помнит – время быстро мчится!
Осада, что продлилась десять лет,
Была венцом её забытой славы.
И ныне вспомнит лишь о ней поэт
Или историк, изучавший главы.
Во тьме веков теряются следы...
О некогда блистающая Троя!
И бродит она призраком беды,
И не даёт другим она покоя!

Александр Дементьев

Лидия Заева

Родилась 10 ноября 1947 года в селе Балтай (Саратовская область), с 1964-го живёт в Саратове. Окончила авиационный техникум (1967) и СГУ (1979, физик). Работала на заводе «Электроаппарат» (от радиотехника до инженера, занесена в книгу почёта), с 1993 по 2018 год – учителем физики и педагогом в школе и колледже искусств. Ветеран труда (с 2008 года), на пенсии с 2002-го.

Пишет стихи и прозу со студенческих лет, сочиняет музыку, ведёт литературно-художественный кружок «Слово поэзии». Автор цикла рассказов о космических путешествиях пса Тузика. В 2024 году выпустила автобиографическую книгу «Музыка времени». С 2025-го член Российского союза профессиональных литераторов. Опубликовала 21 книгу и участвовала в 14 коллективных сборниках. Победитель конкурса «Мой родник».

Аллея вдохновения

Посвящается памяти А. С. Пушкина

Я в парке, в боковой аллее...
У бюста Пушкина... Робею...
Среди возвышенной тиши,
Смахнув с пера накал души.

Аллея прошлых поколений,
Аллея трепетных мгновений,
Аллея грёз и вдохновений
И восхитительных мучений.

Здесь обнажены в зримом свете
Года воскресшего столетия;
Здесь эхо прошлое вползает
И отзвук горечи витает...

И вереницей проплывают
Десятки судеб... Оставляя
Печаль и память поколениям...

Музы А. С. Пушкина

Е. П. Бакунина

Любовь к Бакуниной Катюше
Впервые всколыхнула душу.
Лицей, та юная любовь
Пред взором промелькнула вновь...

Как ждёт нечаянных свиданий!
Сладки минуты ожиданий;
Он, трепеща, ей восторгался,
Её встречая, сомневался,

Сгорая от сердечных ран;
Мелькает в вальсе дивный стан,
Чарует «лик прелестной девы...»
С святых времён Адама с Евой.

И страстный тот роман родился
В те ночи, что без сна томился...

М. Н. Раевская

К Раевской Машеньке любовь
Из прошлого предстала вновь;
Её краса всех восхищает,
Когда глаза звездой сверкают.
 «Мария, муж или отец
 Тебе дороже, мне ответь!»
 Ты промолчала, не сказала,
 Возможно, ты ещё не знала,
Чей локон – море пред грозою
Перекликается с судьбою?
Оставив сына, дом, за мужем
В Сибирь съезжает в злую стужу.
 Черты далёкой бедной девы
 Рождали грустные поэмы.

Е. К. Воронцова

Елизавета Воронцова...
Молчал поэт о ней... ни слова.
Прекрасный профиль он рисует
На всех бумагах. Вновь тоскует...

Она умна, есть страстность в ней,
Что мыслью властвует твоей.
Её ресниц спокойный шёпот
Мог вызвать в ту эпоху ропот...

Подарок – перстень-талисман –
Не уберёт, в упрёк словам,
Поэта...

А. П. Керн

В Михайловской ссылке грусть съедала,
Лишь иногда что оживляло?
Поездки в ближнее именье
Тригорское. Что, без сомненья,

К раздумьям бренности души
Вели в заброшенной глуши.
Но что за «чудное мгновенье!»
Любовь проснулась без сомнения...

Его и Керн пути сомкнулись;
Дверь распахнув, сердца проснулись.
В ней обаянье, красота,
Лесная свежесть и мечта.

Все чувства всколыхнулись в нём,
Вновь сердце вспыхнуло огнём.
Прогулки долгие, обеды,
Чуть продолжительней беседы...

Дней промелькнула черед,
Оставив дружбу на года.

Е. Н. Ушакова

Москва. Зима. Двадцать шестого...
На Пресне, в доме Ушаковых,
Где развлекалась молодёжь,
Наш Пушкин признан, принят, вхож.

Екатерина Ушакова –
Дерзка красавица, без спора.
Полушутя, полувсерьёз
Влюбилась юная до слёз.
И им в семейный их альбом
Запишет посвящение он.
Лишь после гибели поэта
Катюша, слушая совета,

Создаст семью. Хочу добавить,
Пред смертью писем не оставит,
Беря с собой в последний путь...

З. А. Волконская

Волконская – княгиня – здесь,
Ларец достоинств, их не счесть:
Неординарна, многогранна,
Во всех кругах всегда желанна,

Актриса, музыкант, певица,
Чьим мастерством мог насладиться;
Друг декабристской суеты,
«Царица муз и красоты».

Вдали, в Италии, узнала:
Поэта-друга потеряла.
Колонной мраморной у виллы
Воскреснет Пушкин из могилы.

А. А. Оленина

Зимой из ссылки лишь вернулся,
В жизнь Петербурга окунулся.
Да! Но Олениных салон
Всё чаще посещает он.

Где дочка умно сочиняет
Стихи и тут же исполняет...
Бойка, мила, остры слова,
Такой Оленина была.

Страницы рукописи, всё
Пестрело именем её.

Без средств и титулов, опальный,
Стих посвящает ей печальный.
Грустна прощальная строка,
Но как же Анна далека!

Е. М. Хитрово

Гранитным другом, как скала,
Дочка Кутузова была
Поэту. Лизонька Хитрово –
Надёжный критик, что, без спора,

Он признавал. И в письмах к ней
В том убеждался всё сильнее:
«Как справедливо вы не льстите,
Как тонко, умно говорите...»

Всех писем было двадцать семь,
Сейчас они доступны всем.
И там с Жуковского диваном
И стулом Гоголя желанным

Стояло пушкинское кресло,
Заняв среди достойных место...
Что ж, вещью памятной дремать
Им суждено. А там как знать?

Н. Н. Пушкина

Зима... Двадцать восьмого, к слову,
Не знал, что встретит Гончарову
Наталию – юное создание,
Привлѣкшее его вниманье

На том балу, где он влюбился
В неё и тут же объяснился:
«Ты моя прелесть, ты мадонна!»
Так пел поэт, красой пленѣнный.

Венчался Пушкин с Натали
Законами святой любви
В церкви Большого Вознесенья.
Как счастлив был в то воскресенье!

Но были недруги не прочь

Начать интриги в ту же ночь...
Шагнул поэт судьбе навстречу:
Дуэль – погиб на Чёрной речке.

* * *

Молчит кумир, смотря на них –
Любимых, вечно дорогих;
Аллею трепетных мгновений...
Аллею грёз и вдохновений...

Я в парке, в боковой аллее,
Нет места для меня милее.
Здесь я и ты тоской пьяны,
Молчим в объятьях тишины.

Альберт Кайков

Литературным творчеством увлёкся, выйдя на пенсию. Опубликовал пять стихотворных сборников и 22 книги прозы: «Потерянное детство», «Встреча через полвека», «На заполярной широте», «Под северным небом», «В Туруханской тайге», «В угодьях хантов», «Чёрная пурга», «Наши студенты в Америке», «Семья фронтовика» и другие.

Награждён орденами: Святой Анны, «Нестор летописец», «Александр Невский», «М. В. Ломоносов» и медалями.

Член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Дочь фронтовика. Глава из романа «Семья фронтовика»

Иван Семёнович вернулся с фронта инвалидом второй группы. У него было три дочери. Средняя Тоня после окончания школы поступила учиться в медицинское училище. На бойкую и энергичную девушку обратили внимание студенты и преподаватели. На втором курсе её выбрали в комитет комсомола. Она бескомпромиссно относилась к двоечникам и прогульщикам, когда их поведение рассматривали на комитете комсомола. Тоня со светлой косой нравилась многим ребятам. Первым предложил ей дружить Олег Васильцов:

- Тоня, пойдём в воскресенье в парк. Погуляем, потанцуем.
- Ты сначала исправь тройки по анатомии, а потом гуляй.

После такого разговора другие парни не пытались завязать с ней дружбу. Почти каждый имел тройки.

Выбранная специальность ей нравилась. Она постоянно по вечерам читала дополнительную медицинскую литературу. Мать Зоя, бывало, скажет:

- Тоня, сходила бы погуляла, сколько можно сидеть дома.
- Интересная книга попалась, надо дочитать.

После успешного завершения учёбы ей было предоставлено право выбора места работы. В перечне населённых пунктов, где требовались медицинские сёстры, ей понравилось название посёлка Успенка. Она не имела понятия, где расположен посёлок, но его название чем-то тронуло её душу.

Её путь к месту работы лежал через Кемерово. Там получила медицинское оборудование, инструменты, расходные материалы и лекарства. Выяснилось, что в Успенке несколько лет не было медицинского работника. Дальше Тоню повезли на машине. Дорога тянулась на северо-восток к границе с Томской областью. Ехали по холмистой местности, заросшей хвойным лесом. Среди остроконечных елей встречались развесистые кедры.

С возвышенности в распадке среди холмов, покрытых лесом, Тоня увидела дома, разбросанные далеко друг от друга.

- Вот это Успенка, – произнёс шофёр.

Тоня надеялась увидеть посёлок городского типа, а здесь стояли отдельные домики.

- Это весь посёлок? – удивилась она.

– Центр находится за холмом, – ответил сопровождающий её работник облздравотдела. – Посёлок старинный, назван в честь религиозного праздника. Официальный статус получил только в 1927 году.

Машина переехала по мосту речку Кельбес и покатила по улице.

– Улица называется Промысловая, – сообщил шофёр, стараясь показать свою осведомлённость.

- Какая здесь промышленность?

– Промышленности, кроме заготовки леса, нет, а называют улицу так потому, что на ней проживают охотники-промысловики.

Машина остановилась около поселкового совета. Их встретил крепкий широкоплечий мужчина средних лет. Он обрадовался их приезду. Каждому протянул огромную руку для рукопожатия. Тоне показалось, что он чем-то похож на медведя.

– Давно вас жду с нетерпением, никуда не выхожу из кабинета. Наконец-то у нас будет медицинский работник, а то рожать женщин приходится возить в Новокузнецк.

Работник облздравотдела представил Тоню.

- Очень рад, очень рад! Меня зовут Михаил Никитич. Пойдёмте, покажу ваше хозяйство.

У Тони на душе появилось беспокойство. На практике она принимала роды под наблюдением врачей, а тут придётся принимать одной.

По дороге им встретился мальчик лет двенадцати. Михаил Никитич окликнул его:

– Витёк, беги к тётке Авдотье, пусть придёт в медпункт.

Они остановились около небольшого домика с двумя входами. Их машина уже стояла около крыльца.

– В одной половине расположен фельдшерско-акушерский пункт, а во второй – ваша квартира, – сообщил Тоне Михаил Никитич. – Сейчас Евдокия принесёт ключи. Она числится уборщицей.

Евдокия прибежала, запыхавшись, открыла замок ключом и распахнула дверь. В помещении был полный порядок. Даже журнал приёма посетителей лежал на столе. Тоня удивилась чистоте в помещении, не увидев нигде пылинок. «Видимо, Евдокия добросовестно относится к своим обязанностям, – подумала она, – или навела порядок, узнав о приезде медицинской сестры».

Водитель машины тем временем внёс коробки и поставил у дверей.

– Пойдёмте смотреть вашу квартиру, – предложил Михаил Никитич.

Небольшая комната с печью была светлой и уютной.

– Располагайтесь, теперь это ваш дом, – предложил Михаил Никитич, – если что-нибудь понадобится, вам поможет решить Евдокия Ивановна или приходите ко мне.

Через три дня Тоня пришла к Михаилу Никитичу. Он не удивился её приходу.

– Как обустроились?

– Хорошо. Пришла с вами посоветоваться: хочу провести медицинский осмотр населения.

– Хорошее дело. Чем могу помочь?

– Надо оповестить жителей.

– Лена! – крикнул он.

В кабинет вошла смуглая девушка с чёрными глазами и остановилась у дверей с вопрошающим взглядом.

– Напечатай объявление: «В фельдшерско-акушерском пункте проводится медицинский осмотр всех жителей» и приколи его на входной двери и у магазина.

Тоня надела белый, хорошо отглаженный халат, повязала голову белой косынкой, накинула на шею стетоскоп и отправилась на первый приём. С утра посетителей не было. Люди были заняты на работе и домашними делами. Позже стали заходить пожилые женщины. За долгие годы жизни у них накопились разные заболевания. Тоня внимательно выслушивала их жалобы, измеряла давление, просила раздеться по пояс и выслушивала шумы в лёгких, бронхах и сердце. Затем давала советы, некоторым предлагала поехать на обследование в областную поликлинику Кемерово. По посёлку поползли слухи о хорошем, внимательном докторе. Её стали называть по имени и отчеству, а между собой – «наша докторша». К ней стали заходить девчата, чтобы познакомиться с новым жителем посёлка. Она проводила осмотр и быстро находила с ними темы для разговора. Взрослые мужчины, не испытывающие недугов, на медосмотр не заходили. Они считали эту процедуру тратой времени. А вот молодые парни приходили с удовольствием. Им хотелось познакомиться с симпатичной девушкой. Некоторые приглашали в клуб или на рыбалку. Пыл таких посетителей Тоня быстро охлаждала: «Вам мало знакомых девушек в посёлке, с незнакомой захотелось погулять?»

Впервые к ней пришёл посетитель с травмой руки. Иван Савельев вынимал из трактора двигатель. Он сорвался с тали и повредил левую руку.

Тоня осмотрела руку. Она чувствовала, что прикосновение к руке доставляет пациенту боль, но он терпеливо переносил её.

– Перелома кости нет, – вынесла вердикт, – видимо, трещина. Надо сделать рентген.

– На рентген не поеду, не первый раз, заживёт, – твёрдо заявил Иван.

– Руке нужен покой.

Тоня обработала рану, перевязала и сделала косыночную повязку.

– Завтра придёте ко мне на перевязку.

– Хорошо.

Тоне понравился молчаливый мужчина. Ему было лет двадцать пять. По внешнему виду и поведению чувствовалась в нём уверенность и достоинство. «Он старше меня года на три», – подумала она.

Когда остались вдвоём с Евдокией Ивановной, Тоня спросила её:

– Вы хорошо знаете семью Савельевых?

– Да кто же их не знает. Они, почитай, первыми поселились в этих краях.

– Когда?

– Их предки были раскольниками. Бежали из России в Сибирь.

– Сейчас-то семья большая?

– Остались только мать с сыном.

– Где же отец?

– Его медведь в тайге задрал.

– Как задрал?

– Подробности не знаю. Спроси у Ивана, он расскажет.

– Что за люди Савельевы?

– Мать живёт сама по себе. Ни с кем не дружит. Молчаливая. Вреда никому не делает.

По мне, лучше быть молчаливой, чем бегать по посёлку и сплетничать.

На следующий день Тоня спросила Ивана:

– Сильно болит?

– Терпимо.

– Опухоль не спадает, завтра приходите на перевязку.

– Сколько дней придётся ходить?

– Пока не заживёт.

На очередной перевязке Иван почувствовал нежное прикосновение рук Антонины Ивановны к его руке, которое раньше не испытывал. Видимо, боль в руке отвлекала его внимание. Он перевёл взгляд на её сосредоточенное приятное лицо и стал любоваться им: глазами цвета весеннего неба, толстой светлой косой, спускающейся на грудь. Тоня почувствовала этот пристальный бесцеремонный взгляд. Можно было смутиться или хотя бы для приличия выразить своё недовольство, но она перекинула косу через плечо и продолжала заниматься перевязкой руки.

Через несколько дней Тоня поинтересовалась:

– Почему вы грустный?

– Время сбора брусники, а я не могу в тайгу пойти.

– Ходить вы можете.

– Как одной рукой ягоду брать?

– Возьмите меня с собой. Я себе брусники наберу и вам помогу.

На лице Ивана появилась улыбка. Он бы не решился сам пригласить её куда-нибудь.

– Готовьтесь. В воскресенье рано утром зайду за вами.

Они шли рядом по широкой, давно не езденой дороге. Высокий хвойный лес встретил торжественной тишиной. На востоке разгоралась заря, заливая заревом небосвод над вершинами деревьев. В стороне послышался мелодичный посвист: «Ти-и-инь»... Тоня остановилась и прислушалась. Посвист повторился.

– Это свистит самочка рябчика, – объяснил Иван.

– Как ты догадался, что свистит самочка?

– Она опекает молодое потомство и этим свистом удерживает их около себя.

– Иван, скажите, это правда, что вашего отца задрал медведь?

– Правда.

– Расскажите, как это было, – попросила Тоня.

Ивану не хотелось тревожить память о трагедии в его семье, но Тоне не мог отказать.

– Давно это было, – начал он рассказ, – мой отец в госпромхозе числился охотником-промысловиком. Занимался заготовкой пушнины, сбором ягод, грибов и кедровых орехов. Ему в тайге был отведён промысловый участок, который остался после отца. Там стояло несколько охотничьих избушек. Главная избушка стояла на высоком берегу реки, по которой на лодке завозил продукты и сплавлял в посёлок дары природы. Дальше по реке располагались промысловые участки других охотников.

В тот год тайга подарила людям необыкновенный урожай кедровых шишек. Отец загрузил мешками с шишками моторную лодку и погнал в посёлок. Он планировал помыться в бане и через несколько дней вернуться в уголья.

Мимо его участка по реке проплывал заготовитель орехов. Пристал к берегу и пошёл навестить отца. В избушке никого не было. Он вернулся к лодке и продолжил свой путь. У воды увидел медвежонка. Медведицы поблизости не было. Не раздумывая, достал карабин и выстрелил. Погрузил малолетку в лодку и уплыл. Настоящий промысловик никогда бы не стал стрелять зверя в чужих угодьях, а это был хапуга.

Медведица слышала хруст веток под ногами человека, подходящего к избушке, и шум мотора. Она стала искать детёныша. Когда обнаружила на берегу его кровь, сделала вывод, что он погиб от человека, посетившего избушку. Медведь – умный, хитрый и мстительный зверь.

Отец вернулся в уголья, привязал лодку к стволу дерева, взял в руки охапку пустых мешков и направился к избушке. Сзади из засады на него набросилась медведица и ударом лапы по голове лишила жизни. Через несколько дней его тело на лодке, взятой на буксир, привёз промысловик с соседнего участка.

Тоня была потрясена печальным рассказом и не задавала больше вопросов. Она почувствовала жалость и сострадание к Ивану. Воспоминания всколыхнули в груди Ивана боль потери отца. Они продолжали путь молча.

Дорога вывела их на большой выруб. Всюду торчали пни, между которыми зеленели полянки брусничника.

– Это первый выруб. Здесь лес рубили первые жители посёлка. Постепенно деляны для рубки леса отходили всё дальше и дальше от посёлка. Мы пойдём в другое место, – сообщил Иван.

На следующем вырубке стали попадаться участки брусничника, усыпанные красными ягодами. Иван свернул с дороги и пошёл через него к лесу. Тоня шла за ним и удивлялась: «Почему Иван не останавливается собирать ягоду, которая краснеет вокруг пней?» Неожиданно перед ними раздалось хлопанье крыльев, и большая тёмно-сизая птица поднялась в воздух и полетела от них.

Тоня испугалась и вскрикнула:

– Ой!

– Не бойтесь, это глухарь.

– Что он здесь делал?

– Кормился брусникой, – улыбаясь ответил Иван.

– Он напугал меня.

– Это хорошая примета.

– Пугать людей – хорошая примета?

– Нет. Где кормится глухарь – там хороший урожай ягод.

Когда они пересекли выруб, Иван на кромке леса нашёл еле заметную тропинку и направился по ней. Она вилась между соснами и елями. Тоне идти было непривычно: ноги проваливались в мягкий моховой покров. Через несколько сотен метров перед ними открылась боль-

шая поляна, заросшая брусничником. Она была расписана ягодами, как персидский ковёр. На кустах брусничника висели длинные кисти крупной тёмной ягоды.

– Вот здесь мы будем брать бруснику, – сообщил Иван.

Он развязал одной рукой рюкзак, достал ведро, встал на колени и начал собирать ягоды. Они, ударяясь о дно ведра, издавали барабанный бой. Тоня последовала его примеру. Она захватывала между пальцами несколько кистей брусники и срывала ягоды. В ладони оказывалась горсть ягод.

Тоня часто отвлекалась от сбора ягод и осматривала выруб.

– Кого высматриваешь? – спросил Иван.

– Медведь здесь не появится? – вопросом ответила она.

– Не беспокойтесь, здесь ему делать нечего.

– А ягоды?

– Их достаточно в тайге, вдали от людей. Запомни, что в урожайный год медведь человека не тронет, если тот не спровоцирует его.

Не прошло и часа, как ведра до краёв наполнились брусникой. Тоня первый раз в жизни собирала бруснику и с изумлением смотрела на переполненное ведро ягод, среди которых виднелись листочки брусничника.

– Ягоду надо провеять, – услышала голос Ивана.

Он достал из рюкзака кусок лёгкой ткани и расстелил его на ровной площадке. Затем из своего ведра отсыпал часть ягод на разостланную ветровку и предложил Тоне:

– Веять ягоды придётся вам, я не могу одной рукой.

– Что надо делать?

– Берите ведро, вставайте около тряпки, поднимите ведро над головой и потихоньку высыпайте бруснику. Ветерок унесёт весь мусор.

Иван любовался стройной гибкой фигурой в спортивном костюме, когда Тоня изящно поднимала ведро над головой. Про себя отметил: «Трудолюбивая девушка». Когда брусника была провеяна, произнёс:

– Наберём ещё по ведру ягод и будем обедать.

– Я думала, что мы вернёмся к обеду, и не взяла с собой еду.

– Не беспокойтесь, у меня еды хватит на троих.

– Почему на троих?

– Я придерживаюсь поговорки: «Идёшь в тайгу на день, бери еды на три».

Иван расстелил на траве ткань, на которой провеивали ягоды, и объявил:

– Это будет наша скатерть-самобранка.

Затем вынул из рюкзака хлеб, сало, помидоры и пирожки с морковью. Рядом поставил термос и две эмалированные кружки. Бросил на траву ветровку и пригласил Тоню:

– Обед подан, прошу к столу.

Он достал из ножен, висящих на поясном ремне, охотничий нож и стал резать сало.

– Зачем вам такой большой нож? – удивилась Тоня.

– Для защиты, – пошутил Иван.

– От кого?

– Мало ли от кого потребуется.

Тоня подумала, что это не шутка, а скорее намёк, и внимательно посмотрела на Ивана. Он уже сосредоточенно резал круглую краюху хлеба. В магазине такой хлеб не продавали. У неё не укладывалось в голове, как может в этом человеке совмещаться незаурядная сила и мягкий, спокойный характер. Она изрядно проголодалась и с удовольствием ела хлеб с салом, закусывая помидором.

– Хлеб очень вкусный, где его покупали? – спросила Тоня.

– Матушка испекла.

Иван налил чай, поднял свою кружку и произнёс:

– С полем вас.

– Что это такое?

– Когда охотник впервые добывает дичь, его поздравляют с полем. Ты впервые пришла в тайгу и набрала ягоды.

– Согласна, – поддержала его Тоня.

Подняла кружку и легонько дотронулась до кружки Ивана.

Она не заметила, что Иван перешёл в разговоре на «ты». Когда стали есть пирожки, запивая чаем, заваренным неизвестными Тоне травами, она их похвалила.

– Их стряпала матушка, – пояснил Иван, – я ей сказал, что иду за ягодами не один.

«Видимо, он рассказывал обо мне матери, а называет её странно, у нас так называть матерей не принято», – думала Тоня.

Она разомлела от сытной еды, от воздуха, насыщенного ароматами леса, трав и ягод. Ей захотелось вытянуться на траве и расслабиться, но пришлось подняться и приняться за сбор брусники. Они набрали ещё по ведру ягод.

– Шабаш, – произнёс Иван, – больше ягод нам не донести.

Тоня поднялась с колен, выпрямила спину и залюбовалась окружающей природой. Осень радовала пышной яркостью красок. Выруб, окружённый хвойным лесом, вершины которого смотрелись частоколом на фоне голубого неба, завораживал её.

– Помоги надеть рюкзак, – услышала голос Ивана.

Он стоял с рюкзаком на правом плече, левая рука висела в косынке. Тоня аккуратно сняла косынку, осторожно продела руку в лямку рюкзака и вернула косынку на место.

Иван зашагал к кромке леса.

Тоня подхватила своё ведро. Оно оказалось неполным.

– Почему моё ведро неполное? – возмутилась она.

– Дома наполним, – услышала ответ.

Она последовала за ним и была удивлена, когда подошли к лесу точно у тропы. «Видимо, он запомнил дерево, у которого начинается тропа», – подумала она.

Около крыльца Тониной квартиры Иван попросил её помочь снять рюкзак. Затем спросил:

– У тебя таз есть?

– Есть.

– Принеси.

Когда она вернулась с тазом, её ведро стояло наполненное ягодами. Иван отсыпал из рюкзака добрую половину брусники в таз.

– Мне не надо столько ягод, – запротестовала Тоня.

– Угостишь кого-нибудь или отправишь домой.

– Как их заготавливать впрок?

– Ягоды надо залить водой в любой таре. Будут храниться до следующего урожая.

– Может, зайдёшь ко мне ненадолго?

– Спасибо. Как-нибудь в другой раз. Помоги лучше ещё раз надеть рюкзак.

На следующее утро Тоня проснулась с ощущением усталости. Ей не хотелось подниматься из постели. Между тем рассвет разгорался всё ярче и ярче. В комнате стало светло. За окном, приветствуя утреннюю зарю, защелбтали птички. Усилием воли она поднялась с кровати, сделала зарядку и умылась холодной водой. Сердце оживило движение крови в сосудах. Возвратились бодрость и силы.

Тоне всё больше и больше нравился Иван с его мускулистым крепким телом и пронзительно-голубыми глазами. Она чувствовала, что ему тоже небезразлична, но её смущало его отношение к ней как к младшей сестре. Она до мелочей анализировала поход за брусничкой.

Другой парень обязательно взял бы с собой спиртное, говорил бы комплименты и приставал к ней, а этот не проронил ни одного лишнего слова.

Она не знала, что Иван воспитан в староверческой семье. Он не пьёт водку и не курит табак. Жену староверы выбирают на всю жизнь. У них не принято жить гражданским браком и разводиться.

Пришло время снимать у Ивана повязку. Тоня размотала туго забинтованный бинт, пощупала руку и спросила:

– Больно?

– Нет.

– Попробуй осторожно поднять стул.

Он присел, взял стул за ножку и поднял над головой.

– Хватит, опусти! – забеспокоилась Тоня.

Иван планировал сделать Тоне предложение выйти за него замуж. В это время в помещение вошла женщина со словами:

– Антонина Ивановна, послушай меня, что-то хрипит в груди.

Ивану пришлось проститься и удалиться.

Тоня чувствовала недоговорённость в их расставании и надеялась, что он вскоре к ней зайдёт. Она постоянно вспоминала его и думала: «Неужели я ему безразлична?» Эти мысли бередили девичье самолюбие.

Поход Ивана с докторшей за ягодами не остался незамеченным в посёлке. Поползли разные слухи. На приём к Тоне пришла девица с накрашенными губами и ресницами. В посёлке женщины не красились, и Тоня подумала, что это, наверное, приезжая, и предложила:

– Проходите, присаживайтесь. На что жалуетесь?

– На сердечную боль.

– Одну минутку, я запишу вас в журнал.

– Обязательно запишите.

Тоне не понравилось наглое поведение посетительницы.

– Фамилия, имя, отчество, – спросила она.

– Бурова Екатерина Васильевна.

– Разденьтесь по пояс, я вас послушаю.

– Не надо меня слушать.

– В чём тогда дело?

– Я люблю Ивана Савельева.

– Разбирайтесь с ним, я помочь не могу.

– А кто может?

– В вашем случае, я думаю, врач-психолог.

Можно было бы выпроводить непрошеную посетительницу, но Тоня поднялась со стула и как можно спокойней произнесла:

– Поверьте мне: в таких делах посторонние люди не помогут.

Ранним утром через три дня при первых лучах солнца Иван зашёл к Тоне. Увидев его, она была удивлена. На нём вместо зелёной камуфляжной одежды была белая косоворотка, подпоясанная узким ремешком. Её сердце трепетно забилося, предчувствуя что-то необычное.

– Какой ты нарядный, тебя трудно узнать.

Он низко поклонился и произнёс:

– Тоня, ты мне люба, прошу выйти за меня замуж.

Она обрадовалась, но не показала вида, а спросила:

– А что ты скажешь Кате Буровой?

Вместо ответа он подошёл к ней и обнял. Она прижалась к нему и посмотрела в глаза. Они говорили о многом. Их губы встретились.

После поцелуя Иван спросил:

– Так ты согласна?

– Конечно согласна.

– Завтра воскресенье, мы с матушкой приглашаем тебя на обед.

Когда Иван ушёл, Тоня подумала: «Наверное, это смотрины, неужели он откажется от предложения, если я не понравлюсь его матери?»

Иван зашёл за Тоней, чтобы проводить в свой дом. День стоял такой тихий, что казалось, редкие облака на небе застыли на месте. Они шли рядом. Иван не пытался взять её под руку. По дороге встречались односельчане. Молодые люди здоровались, им в ответ раскланивались.

Добротный дом-пятистенок Савельевых стоял в Таёжном переулке. Мать Ивана оказалась моложавой, средней полноты женщиной. На ней было длинное цветастое платье, голова повязана косынкой. Она приветливо встретила невесту и пригласила к столу.

Тоне бросились в глаза жареные караси и рябчики. Рядом стояли грибы, огурцы, помидоры, отварной картофель. В деревянной миске краснела брусника, на подносе лежали румяные пирожки.

Анастасия Карповна наливала в тарелки щи из чугунка и рассказывала:

– У нас все продукты свои, из огорода и тайги. В магазине покупаем только муку, соль и сахар.

– Мне очень понравился ваш хлеб, – похвалила Тоня, – я никогда в жизни не ела такой вкусный хлеб.

– Так пеку его для себя.

Когда Анастасия Карповна положила на тарелку карася, Тоня спросила:

– Рыбу, наверное, ловил Ваня?

– Кому же ещё ловить, он такой же добытчик, как его отец.

– Ваня мне рассказывал про своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.